

Перед концом сезона

Заметки о районных театрах

В Балахну мы прибыли в дни, когда театры области проводили смотр артистической молодежи. Предполагалось, что смотр станет праздником не только театра, но и всей городской общности. Но перед званием театра стоял грязный щиток, объявляющий об очередном спектакле без всякого указания на смотр. Городская газета не отметила начала смотра ни единой строкой. Театр не выпустил специальных смотровых афиш, хотя по условиям смотра это было обязательно.

Первый спектакль комиссия смотрела в так называемом летнем театре городского парка культуры. У самого входа в парк на трех расходящихся аллеях были разбросаны груды урков, грязи. Огромное объявление извещало всех желающих о том, что танцы будут до начала, а антракты и после спектакля. Впрочем, последнее обещание было явным хвастовством: спектакли в Балахе в отличие от всего Советского Союза начинаются не ранее 8 часов 30 минут и кончатся так поздно, что самые неутомимые танцоры стремительно расходятся по домам.

Спектакль, который игрался в этот день, был гарантийным, то есть парк предоставлял театру тысячу рублей заранее, независимо от фактического сбора. Сам же парк, как выяснилось позднее, собрал от продажи билетов немногим более ста рублей. Продолжая проточка зрителей, отключалась совершенно равнодушно к тому, что делалось на сцене. Молодые люди и девушки громко переговаривались, и время от времени раздавался чей-то истошный крик: «Афиде! на площадку!». Видно, кто-то призвал своего друга спастись на танцплощадку от разъедающего холода, против которого был совершенно беззащитны посетители летнего театра.

На сцене шла «Любовь Ани Брезко» В. Пистоленико. Нет смысла рассказывать об этом спектакле; он

просто не существовал для зрителей. Некоторые оживление восприятия наступило только в связи с тем, что на сцене (под самым носом у Горгас) три раза гас свет. Это происходило каждый раз в то время, когда по ходу пьесы благородный друг Ани должен был решительно объясниться с ее несмышленым супругом. Зрители кричали в темноте актерам: «Вали! дальше, не так! время, ни так не понятно». Когда свет зажегся, герои стояли друг против друга в решительных позах. Молодой актер, игравший друга Ани и участвовавший в этот день в смотре, несомненно превосходил своего противника ростом и шириной плеч. Подготовленные всем предшествующим к комическому восприятию зрители кричали: «Сейчас он ему навесит!». «Дай ему мажоронину!».

Признаюсь, было жалко, что всего этого великолепие не видит директор театра А. К. Жуков. Он оставался в удобном помещении Дома культуры Горгас, хотя и заявил комиссии и начале вечера: «А как же? К концу спектакля я подоскою, конечно». Подоскочит, видимо, не удалось.

Нынешние условия существования театра настолько удивительны, что человек, не бывавший ни в Балахе, вряд ли способен поверить. За апрель 1956 года театр сыграл 19 спектаклей. Остальные дни были «холостыми» Права, в это время творческий коллектив работал над постановкой «Лопла» В. Маяковского. Но отсутствующие спектакли не заменялись даже вечерними ретейнками. Сам коллектив, как правило, уезжал об отсутствии спектакля в самую последнюю минуту. В 6 или в 7 часов вечера актеры выезжали куда-нибудь

на передвижную площадку, чтобы обслужить отдаленного зрителя. Другая часовина позднее должен был начинаться спектакль. Так как билеты не были проданы, актеры в гриме и костюмах, на всякий случай, проводили в ожидании еще часа два. После этого они грустно добирались домой на каком-нибудь мало подходящем транспорте, так как у этого, в основном передвижного театра нет даже собственной грузовой машины.

Виноваты ли в этом актеры и виноваты ли жители Балахи?

Нет. Артисты Балахнинского театра заслуживают самой доброй оценки за собой товарищеской оценкой. В их работе есть много недостатков, но есть и несомненное трудолюбие и даже творческие изыскания. В составе Балахнинского театра есть интересные и профессионально опытные актеры, такие, например, как В. П. Зибрунов, Н. П. Ражитина, Н. Г. Лукова, есть и одаренная творческая молодежь. Во время смотра, например, мы были обрадованы работой молодой артистки Новикова. Позднее оказалось, что она даже не числится в труппе. Это — районный переезд — успехом выступавший в самостоятельности, в ожидании штатного места вот уже несколько месяцев бескорыстно отдаст ретейнками и спектаклями свой труд и время. У него есть все шансы стать в будущем серьезным профессиональным работником сцены.

Но если не виноваты актеры, то тем менее виноваты зрители. Среди десятков тысяч рабочих и интеллигенции, населяющих Балахну, наверняка есть достаточное количество людей, серьезно и кровно заинтересованных в искусстве.

Особо серьезный упрек надо послать в адрес Балахнинского горкома КПСС, редакции «Рабочая Балаха» и областного управления культуры, потому что только их равнодушное отношение обрекает театр на существование в таких условиях.

Целесообразнее всего использовать Балахнинский театр как передвижной коллектив для обслуживания многочисленных рабочих и колхозных аудиторий. Ему необходимы дееспособная дирекция, транспорт и — главное — серьезное общественное внимание. Это должны организовать Балахнинский горком КПСС и Горьковский областное управление культуры.

В Балахнинские показали премьеру на материале пьесы местного автора М. Либера «Вспомним, товарищи!». На театральном афише значится, кроме фамилии постановщика Б. А. Черкаского, еще и фамилия художественного консультанта народного артиста Союза ССР Б. Е. Захави.

Весь предельно интересный спектакль: создание нового самостоятельного произведения, обращение театра к героической тематике первых полеролевых лет, попытка создать образ Державина на сцене и, наконец, фамилия художественного консультанта.

И теперь даже обидно признаваться, что большого события не произошло, а возник обыкновенный средний спектакль. Точнее говоря: и спектакль есть, много хорошего, яркого и впечатлительного, но таскается все время — отбрасывает его назад и сводит на нет многие достижения.

Прежде всего хорош в спектакле В. Ф. Саягин, создающий образ Державинского. В нем чувствуется постоянная собранность, устремленность к действию и в то же время обязательная простота товарищеского отношения к людям. Заслуженный артист республикан Т. И. Лондон темпераментно и увлеченно рассказывает в первой сцене спектакля жизнь рабочего подростка Сергея Широкова.

Очень убедительно декоративное оформление спектакля, созданное Вл. Мазановым. Никогда до этих пор не видели зрители у этого художника такой зрелости и давно уже не видели в наших спектаклях вообще такого строгого, простого и скромного —

без всякого украшательства — воссоздания колорита эпохи. Пожалуй, оформление больше рассказывает нам о том суровом и героическом времени, которое призывает вспомнить название пьесы, чем весь остальной спектакль.

Можно назвать и еще целый ряд актерских удач, в том числе и работу артиста Саягина в роли полковника Скотникова. Несомненно, что здесь сказывалась большая и плодотворная работа режиссуры, сумевшей открыть новые качества у артиста, неоднократно подвергавшемуся упрекам за некоторую негибкость и склонность к позированию.

И все-таки недостатки пьесы пересиливают спектакль. Непонятно о чем эта пьеса, но имя какой-то главной мысли развешено сценическое действие. Если рассуждать, как пьеса о Державинском, то окажется, что построение сюжетного действия в пьесе совершенно нелогично. В качестве кульминационного момента, завершающего пьесу, возникает разгром левозерского митинга, который, однако, выглядит в пьесе совершенно посторонним, ни из чего не возникающим событием. Круг мыслей и забот Державинского, связанный с октябрьской революцией, с Октябрьской революцией, с Октябрьской революцией и произведением Либера весьма поверхностно, мелко и невнятно.

Но может быть пьесе надо рассматривать как драматическое повествование о людях типа Сергея Широкова, поднятых Октябрьской революцией и прошедших свой славный путь вместе с Державинским? К сожалению, это тоже не получается. Мы наблюдаем Сережу то при взятии телеграфа в роли, чрезвычайно напоминающей Шелле из «Любови Яровой» Тренева с той, однако, разницей, что он ведет себя намеренно опустошенно, то на свидании, где он чрезвычайно примитивно рассуждает со своей невестой о будущем, и т. д. После тех великолепных образов, которые уже создала наша театральная и кинодраматургия, рассказывая о людях, воспитанных боями за Ок-

тябрьскую революцию, очень досадно видеть на сцене их обесцвеченную копию.

Говорить о недостатках этого спектакля сейчас особенно досадно потому, что недавно в Московском журнале «Театр» была напечатана не совсем объективная, резко критическая статья Ю. Грачевского о Державинском театре. Многие из написанного в этой статье в сущности правдиво, но самый тон ее и резкие персональные нападки на главного режиссера Б. А. Черкаского, а особенно категорическое утверждение, что Державинский театр является театром одной пьесы, одного спектакля, одной случайной удачей, кажутся результатом излияний полемической пылкости рецензента.

Но и чем же тогда следует искать причину неполноценности последнего спектакля державинского?

Театр погрязнул. Прежде чем выпускать спектакль, ему надо было упорно и кропотливо поработать с местным автором, чтобы придать пьесе необходимую цельность. Не потому ли театр остановился в этой работе на полпути, что он прежде-времено стал подсчитывать «не каю», которые дадут у будущего спектакля? «Зав» была местная пьеса, спектакль о Державинском, поставленный в горло его имени, солидное имя художественного консультанта. Всего этого, видимо, театру показалось недостаточно. Иными словами говоря, причина неполной удаче театра заключается в тех самых элементах самоуспокоительности, о которых справедливо писал «Горьковский правда» некоторые время назад в статье «Вудем откровения». А ведь говорят: чем больше дано, тем больше и сиротство.

Есть все-таки основание думать, что Державинский театр означает уже выбираться из того состояния «ыгата на месте», в котором он долго пребывал, и когда театр покажет нам свою инсценировку «Полития дедины» Шолохова, мы сумеем проверить правильность этих предположений.

Ю. ВОЛЧЕК.